

*СОЛОВЬЕВА Анна Николаевна, доктор фило-
софских наук, доцент, профессор кафедры всеоб-
щей истории Северного (Арктического) федераль-
ного университета имени М.В. Ломоносова. Автор
102 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3666-8590>

*СОЛОВЬЕВА Татьяна Алексеевна, кандидат
психологических наук, доцент, доцент кафедры
психологии Северного (Арктического) федерально-
го университета имени М.В. Ломоносова. Автор 89
научных публикаций***

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0592-6713>

ОБРАЗ ГОРОДА В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕВЕРЕ (на примере Архангельска)¹

Статья описывает образ северного города, который складывается на основе социальных представлений россиян о специфике северного пространства. Авторы используют понятие «образ города» для выявления универсальных представлений о городском пространстве, сформировавшихся на уровне массового сознания жителей под влиянием их культурного опыта и социальной структуры города. Образ города также включает в себя различия в восприятии городской среды, обусловленные групповыми и индивидуальными особенностями горожан, отражает символическую структуру, семантическое ядро и периферию значений городского пространства, которые горожане создают в процессе осмысления опыта городской жизни, разделения значимых и нейтральных признаков окружения. В ходе пилотажного эмпирического исследования была проверена гипотеза о том, что содержание символического ядра представлений респондентов о северном городе демонстрирует их социальную принадлежность, сложившуюся в культурно-историческом контексте Российского Севера. Также было проверено предположение о том, что различия в интерпретации северного городского пространства определяются актуальной социокультурной ситуацией и вариативностью социальных ролей горожан. В результате были получены данные о том, что северный город ассоциируется у респондентов с категориями «Род – Природа – Дом – Память», которые формируют семантическое ядро представлений о Севере. Горожане разного возраста, имеющие разный по длительности опыт городской жизни, демонстрируют универсальное значение северного города, когда характеризуют его как «жизненную среду», «природу и климат», «культурно-исторический контекст» и «пространство самореализации». Противоречия в интерпретации городского пространства возникают у жителей тогда, когда они оценивают трансформацию культуры, экономики и экологии постсоветского Севера России. Ар-

¹Статья подготовлена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-411-290004 «Семиотика и аксиология традиционной культуры как ценностная матрица современного геокультурного пространства Европейского Севера России».

*Адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; e-mail: annasolov@mail.ru

**Адрес: 163009, г. Архангельск, просп. Ленинградский, д. 40; e-mail: t.solovjeva@narfu.ru

Для цитирования: Соловьева А.Н., Соловьева Т.А. Образ города в структуре социальных представлений о Севере (на примере Архангельска) // Вестн. Сев.(Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 6. С. 112–120. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.112

хаичные атрибуты северного города, отмеченные респондентами, отражают осмысление его пространства как «родной стороны», а также выражают ностальгические чувства «преданности» территории. В то же время горожане стремятся к рационализации негативных средовых «вызовов» Севера, которые могут препятствовать реализации личных и профессиональных потребностей.

Ключевые слова: социальные представления, Российский Север, Архангельск, образ города, северная идентичность.

Северное пространство России репрезентировано множеством этнических, религиозных, профессиональных и локально-территориальных культурных форм, которые отражают специфику его освоения различными социальными группами. В социальной теории функции обыденного практического мышления, связанные с освоением и осмыслением социального, материального и идеального окружения индивидов, обозначаются термином «социальные представления» [1, с. 128]. Теория социальных представлений разработана французским психологом С. Московичи, который понимал их как систему знаний, лежащую в основе социальной (групповой) идентичности. Гипотеза С. Московичи о наличии в каждом представлении ригидных, архаичных элементов, или «тем», основывается на эмпирическом анализе процессов складывания его центрального ядра – базовых идей, направляющих и ограничивающих когнитивный поиск подобно схемам. Если центральное ядро отражает наиболее согласованную, основанную на консенсусе часть представления, то его периферическая система определяется и описывается для того, чтобы объяснить индивидуальные различия в процессе осознания и интерпретации объекта социальной реальности.

Понятие «средовая идентичность» объединяет факторы и процессы соотнесения человека с его жизненной средой. По мнению Г.М. Андреевой [2], жизненную среду образует совокупность природных и социальных явлений, среди которых выделяются внутренняя среда (ее образ), первичная экоструктура (непосредственное жизненное пространство, включающее дом, предметный мир и т. д.) и групповая

экоструктура (общественная среда, т. е. территория места работы, коллективного отдыха и т. д.).

Эмпирические исследования [3–5] позволяют выявить смысл и значение представлений о Севере у различных групп его жителей, а также продемонстрировать динамику их наполнения актуальным для современности опытом и знаниями, полученными в процессах межгруппового взаимодействия. Мнение, осмысление и оценка жителем Российского Севера его территории в высшей степени зависят от характера его контактов с географическим и социальным пространством, причастности к нему субъекта, от биографического опыта и культурной традиции, в рамках которой осуществляется конструирование реальности [6, с. 39]. Осознание и принятие жителями северных территорий их «региональной самости», желания и возможности «быть северянином» акцентируются термином «северная идентичность» [4, с. 53]. Опираясь на теоретические подходы к анализу пространственной среды северной идентичности, можно сделать вывод о символической структуре, которая формирует основу пространственной среды указанной идентичности, формируется и трансформируется в результате взаимодействия семантического ядра (первичного и мифопорождающего) и периферии значений, складывающихся в процессах объективации социального опыта, разделения значимых и нейтральных признаков окружения. Социальные представления о Севере универсальны и разделяемы индивидами из различных социальных групп. При этом они достаточно вариативны, чтобы отражать специфику взаимодействия социальных групп с изменчивой социальной действительностью.

В сравнении с зарубежными арктическими и субарктическими территориями Российской Север обладает значительной индустриальной зоной, которая сложилась в процессе реализации социокультурного проекта циркумполярной урбанизации. Выявить специфику северного города возможно, если рассматривать его как совокупность пространственно-материальных объектов (архитектуры и инфраструктуры), а также как жизненную среду горожан. Изучение социальных представлений северян о городе позволяет продемонстрировать осмысление индустриального пространства Севера в динамике его культурной универсализации и дифференциации.

Понятие «образ города» обозначает совокупность представлений о городе, которые формируются в групповом сознании под влиянием пространственных компонентов среды, прошлого и настоящего опыта жизни горожан, а также социальной структуры города. К. Линч [7] включает в групповой образ города компоненты опознаваемости, структуры, значения и вообразимости. О.В. Лещак [8] анализирует образ города на уровне городской субстанции (пространственном) и ментально-деятельностном (антропологическом) уровне. Образ города зависит от потребностей горожан, эмоционально-насыщенного контекста восприятия города (в разное время дня или года) и доминирующего в определенных исторических и социальных условиях «взгляда» на его пространство. Несмотря на субъективность индивидуальных представлений жителей о своем городе, образ города может быть представлен как «общее в разном». Наличие такого образа города в групповом сознании означает, что горожане разделяют общие правила бытия в одном и том же пространственно-временном измерении.

Групповое сознание горожан, которое формируется и развивается в условиях определенного городского пространства и конкретного исторического времени, обозначается термином «городская ментальность» [9, с. 95]. Ключевыми компонентами городской ментальности являются групповое сознание и провинциальность.

Групповое сознание определяется стилем городского управления и городскими традициями, восприятием города, городским психологическим климатом и социальными нормами, стилем городского общения и городским общественным мнением. Выявление и описание специфики группового сознания представляют собой синхронный анализ городской ментальности, т. е. объяснение ее актуального состояния. Провинциальность выступает пространственно-временной (диахронной) характеристикой городской ментальности и отражает представления жителей о городском «времени», его исторической глубине и скорости социокультурных изменений. Провинциальность также является критерием сравнения своего города с другими с точки зрения уровня их «современности», критерием которой, в свою очередь, является близость урбанистическим идеалам мегаполисов.

Объекты, наиболее узнаваемые и значимые для большинства горожан, формируют «психологическое ядро» городской ментальности. Наличие монолитного ядра, символического «центра» города (единого для всех категорий горожан), а также его пространственное расположение в исторической части города означают традиционность и, соответственно, более высокую степень «провинциальности» города в сознании его жителей [9, с. 97–98]. Представленные в сознании горожан «городские ориентиры» – это символы города, которые задают «скелет» городского пространства на ментальных картах его жителей. Степень «провинциальности» городских ориентиров уменьшается по мере того, как они становятся «узнаваемыми» вне сообщества горожан, т. е. в общенациональном или глобальном масштабах. Формирование множества «городских территорий» (психологических районов), отражающих иерархию социальных предпочтений (с точки зрения потребностей различных категорий горожан), означает преодоление монолитности и провинциальности города. Провинциальность характеризуется стереотипом медленного темпа городского ритма жизни, малой «этажностью» городской застройки, которые упоминаются

в высказываниях о городе большинства его жителей. Протяженность, количество и различие городских маршрутов (реальных и символических путей передвижения) также определяют степень «провинциальности» города [9, с. 97].

В дополнение к изучению универсальной «городской ментальности», реализуемой на уровне массового сознания горожан, психологи устанавливают различия в восприятии городской среды, обусловленные групповыми и индивидуальными особенностями, продолжительностью жизни индивида в городе [10]. Л.В. Перфильева описывает следующие дифференцирующие критерии отношения к городу: территориальные потребности (место проживания, учебы, работы); самоидентификация (интересы, увлечения); эстетические критерии (красиво/некрасиво); критерии по виду деятельности; по историческому принципу; по эмоциональной привязанности; по социально-территориальному принципу; по интересам; по бытующим социальным представлениям (неблагополучный район, элитный район) [11]. Разработанная С.В. Пироговым типология отношения к городу основана на выявлении ряда факторов [12]. Мотивационный фактор выражает потребность горожанина в личностной самореализации (профиль ролевой идентичности), специфику его социальных интересов (структура социальных средств и объектов личностной самореализации) и структуру ценностных ориентаций. Система установок, которыми в своем восприятии города руководствуется личность, формирует диспозиционный фактор. Характер личностно значимых предметов городского ландшафта, с которыми связана активность горожанина, определяется интенциональным фактором. Субкультурный фактор включает в себя особенности отноше-

ния к городу различных социальных групп (молодежи, интеллигенции, диаспор и т. д.)

Специфика актуального содержания процессов означивания городской среды, смысловая иерархия, а также модели объективации представлений о городе в контексте северной идентичности могут быть выявлены и описаны только в эмпирическом исследовании. В ходе пилотажного исследования, проведенного в г. Архангельске², проверялось предположение о том, что содержание символического ядра представлений респондентов о северном городе демонстрирует их культурную принадлежность, сложившуюся под влиянием общесоциальных факторов (исторических и цивилизационных). Также была выдвинута гипотеза о том, что различия в интерпретации северного городского пространства и специфика объективации опыта городской жизни отражают актуальную социокультурную ситуацию и вариативность социальных ролей респондентов.

Для получения эмпирических данных были использованы исследовательские методики опроса (анкетирование), ассоциативного эксперимента и семантического дифференциала. В свободном ассоциативном эксперименте стимулами выступали слова «город» и «Архангельск». Метод незаконченных предложений применялся для определения осознаваемых и неосознаваемых установок горожан и для уточнения ответов анкеты. Респондентов просили закончить фразы: «Город, в котором я живу...», «Город, в котором я хотел бы жить...», «В моем городе мне нравится...». Для проведения семантического дифференциала использовалась шкала оценки психологической среды города, разработанная С.Э. Габидулиной [10].

Данные, полученные в ходе исследования, продемонстрировали наличие двух уровней

²Выборка исследования составила 90 чел., проживающих в г. Архангельске. Для обработки данных были использованы методы описательной статистики, сравнения средних, корреляционного анализа, попарных сравнений и контент-анализа. Статистическая обработка данных производилась с применением статистического пакета IBM SPSS Statistics (лицензионное соглашение № Z125-3301-14, САФУ имени М.В. Ломоносова). Сбор и первичная обработка были проведены И.Н. Попковой, студенткой САФУ, обучавшейся по направлению подготовки «Психология».

интерпретации городского пространства северянами. На аксиологическом уровне отношение к городу определялось с позиции ценностной структуры личности, сформированной в культурно-историческом контексте Российского Севера. На прагматическом уровне образ жизни горожанина (архангелогородца) оценивался с позиции пользы, витальных параметров среды (ее экологичности и социального благополучия).

Только 58,9 % опрошенных признавались в своей любви к городу, а треть опрошенных вообще не смогла определить свое эмоциональное отношение к Архангельску. Уверенность в любви к городу возрастала в зависимости от времени проживания в нем: у 20,0 % из числа респондентов, проживших в Архангельске менее 10 лет; у 50,0 % из тех, кто живет в городе 11–30 лет; у 71,1 % из тех, кто прожил в нем более 30 лет. 88,9 % опрошенных утверждали, что город любят за то, что его жители – «добрые», «душевные» и «отзывчивые» люди. «Неблагоустроенность» (82,2 %) и «низкий уровень жизни» (60,0 %) отмечались как причины отрицательного отношения к городу. При этом негативные характеристики города приводили и те, кто в целом оценивал его позитивно.

Все респонденты указали любимые места города, среди которых самыми популярными оказались набережная Северной Двины (85,2 %), пешеходная улица Чумбарова-Лучинского (58,0 %), городские парки (47,7 %) и музей под открытым небом Малые Корелы (37,5 %). Молодые люди (до 30 лет) чаще, чем респонденты среднего и пожилого возраста, называли любимыми местами конкретные увеселительные заведения и спортивные клубы (65,0 %). Городские объекты, упомянутые большинством опрошенных, формируют «символический центр» городской ментальности. Они совпадают с основными пространствами городского отдыха и «медленными» маршрутами передвижения в природной (парки) и исторической городской среде. Однако свои знания об истории Архангельска большинство (67,8 %) респондентов оценило как «фрагментарные». А 23,3 % опрошенных отметили, что вообще не знают истории города.

Наиболее интересными текущими новостями о г. Архангельске являются новости о социальной сфере жизни (52,8 %) и происшествиях (43,8 %).

Респондентам также было предложено подобрать ассоциации к словам «город» и «Архангельск». «Архангельск» чаще (61,1 %), чем «город» (10,0 %), ассоциируется с климатическими явлениями и географическими характеристиками. Для жителей Архангельска их город – это «Север», «река Северная Двина», «белые ночи», «северное сияние», «снег», «сырость» и «дожди». Характеристики индустриальной «современности» («мегаполис», «активная жизнь», «насыщенная жизнь», «много людей») чаще связывались с «городом» (46,7 %), чем с «Архангельском» (27,8 %). «Архангельск» описывался по аналогии традиционными сообществами («родные», «семья», «поморье» и «люди») и чаще (33,3 %), чем «город» (21,1 %), ассоциировался с культурными институтами. При этом респонденты не только упоминали такие «общие» понятия, как «музеи», «культура», «театры» и др., но и называли конкретные культурные памятники: «Соловки», «Гостиные дворы» и т. д. Ассоциации, связанные с архитектурно-средовыми характеристиками, были более обобщенными для слова «город» (44,4 %): «здания», «многоэтажки», «высокие здания». Архитектурные аналогии «Архангельска» (43,3 %) отражали реальный облик города: «высотка», «деревянные дома», «деревянные мостовые».

Однотипность ответов по всем срезам выборки (возрасту и времени проживания в Архангельске респондентов) может свидетельствовать о «монолитности» психологического ядра городской ментальности и достаточно высокой степени «провинциальности» Архангельска в интерпретации его жителей. Наличие в ядре локальной идентичности жителей Архангельска представлений о географическом положении города («ворота в Арктику») и традиционных занятиях горожан («трескоеды», «всесоюзная лесопилка») подробно описано в исследовании Н.В. Дранниковой [5]. По мнению автора, данные представления о городе

и горожанах носят устойчивый характер и восходят к историческим (досоветским и советским) стереотипным маркерам Архангельска.

У большинства респондентов (72,2 %) Архангельск ассоциируется с серым цветом. Такие ассоциации могут объясняться спецификой северного климата, а также монохромной архитектурной средой города. С психологической точки зрения серый цвет означает замкнутость, тревожность, слабость, пассивность, неуверенность, ранимость и эмоциональную чувствительность. На втором месте по частоте упоминаний были такие цвета, как белый, голубой и синий (18,9 %). Применительно к исследовательской ситуации (и на основании аналогии со сходными данными других исследований) цветовой образ Архангельска можно интерпретировать как выражение неосознаваемой символической ассоциативности северной природной среды.

Наличие в ответах респондентов устойчивого ядра ассоциаций Архангельска с природными и климатическими явлениями может также означать способность и возможность горожан связывать свои жизненные стили и повседневные практики с экологическим контекстом Севера. Этнологические исследования адаптации мигрантов к условиям жизни в Заполярье тоже демонстрируют значимость состояния телесной (физической) включенности в северный ландшафт, которое достигается тогда, когда города и поселки, где живут люди, построены их руками (буквально на пустой и незаселенной земле) [13].

При анализе результатов семантического дифференциала понятия «город Архангельск» были выявлены низкие показатели эмоционального ($-1,3 \pm 5,7$), когнитивного ($-0,21 \pm 3,9$) и поведенческого ($-1,9 \pm 6,8$) компонентов представлений о городе. Если в целом эмоционально-личностное отношение к городской среде можно охарактеризовать как негативное, то ее характеристика в качестве «своей» получила более высокую оценку ($0,35 \pm 1,4$). Метод незаконченных предложений позволил уточнить особенности отношения к Архангельску его

жителей. 34,4 % опрошенных описывали «мой город» как «тупиковый», «запущенный», «зачуханный» и «ужасный». 11,1 % респондентов охарактеризовали Архангельск как «серый» и «холодный». Негативные характеристики города составили большинство ответов. Положительные оценки «моего города» (21,1 %) включали в себя слова «родной», «родина», «любимый», «часть моей жизни» и т. д.

Осмысление «Севера как Родины» часто актуализируется в дискуссиях о миграционных намерениях северян. В ходе анализа ответов на вопросы анкеты выяснилось, что молодежь до 30 лет и пенсионеры реже планируют отъезд из Архангельска, чем представители среднего возраста (от 30 до 50 лет). Уехать из города чаще хотят те, кто прожил в нем менее 10 лет. Основной причиной желая покинуть Архангельск является неудовлетворенность климатом (58,9 %) и условиями жизни в этом городе в целом (41,1 %). Среди факторов, стимулирующих отъезд, респонденты называли «желание попробовать что-то новое» (28,9 %), «решение проблем трудоустройства» (13,3 %), «решение проблем жилья» (17,8 %), «повышение уровня образования» (5,6 %).

Чтобы выяснить потребности жителей Архангельска, респондентов попросили завершить предложение «Город, в котором я хотел бы жить...». По мнению опрошенных, «идеальный» город должен быть благоустроенным (38,9 %), т. е. «уютным», «чистым», «без ветхого жилья» и «удобным». 10,0 % респондентов ценят в городе «активность», «динамичность» и «развитие». 30,0 % назвали конкретные города, в которых хотели бы жить, в частности Санкт-Петербург и Калининград. 8,9 % отметили, что хотели бы жить в Архангельске. В процессе оценки различных показателей городской среды (по 5-балльной шкале) самые низкие баллы получили «состояние дорог» ($1,15 \pm 0,44$), «транспорт» ($1,78 \pm 0,88$), «производство» ($1,47 \pm 0,75$), «общее благоустройство города» ($1,8 \pm 0,82$) и «уровень жизни населения в целом» ($1,8 \pm 0,90$).

С определенной долей вероятности (учитывая пилотажный характер исследования) можно

предположить, что позитивно эмоционально насыщенное ядро представлений о городе формируется в течение длительного времени проживания в нем, а также укоренено в исторической памяти и традициях городской жизни. В частности, ежедневное обитание в городской среде более 30 лет не только создает, но и материально фиксирует личностно значимые для горожанина места. Воспоминания и надежда оказываются вплетенными в пространственный опыт и повседневные практики, формируя чувство укорененности в обжитом пространстве даже в тех случаях, когда в целом оно воспринимается негативно.

На основании проведенного нами исследования можно сделать вывод о том, что семантическое ядро репрезентаций пространства северного города представлено символической цепочкой «Род – Природа – Дом – Память», выражающей эмоциональные и ценностные категории «Любовь – Забота – Долг». Доминирование частоты категорий «жизненная среда» / «природа

и климат» / «культурно-исторический контекст» / «пространство самореализации» во всех групповых срезах выборки (выделенных по возрасту и времени проживания в Архангельске) позволяет говорить как об универсальном значении «северного города», так и о его индивидуальном осмыслении, базирующемся на актуальном опыте жизни в регионе. Различия в интерпретации смыслов северного города наблюдаются в периферии смыслового поля концепта, где можно выявить противоречивые тенденции объективации социально-экономических изменений, которые претерпевают культура, экономика и экология постсоветского Севера России. С одной стороны, социальные представления различных групп горожан отражают патриархальные и архаичные атрибуты «родной стороны», выражающие ностальгические чувства «преданности» территории. С другой стороны, формируется тенденция рационализации средовых вызовов Севера в качестве негативных факторов реализации личных и профессиональных потребностей.

Список литературы

1. Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М.: Изд-во МГУ, 1987. 128 с.
2. Андреева Г.М. Социальная идентичность: временные и средовые компоненты // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер, 2000. С. 344–357.
3. Дрегалю А.А., Ульяновский В.И. Социокультурная динамика социального пространства Севера: моногр. Архангельск: САФУ, 2017. 252 с.
4. Шибут И.А. Социальная и индивидуальная идентичность населения Кольского Севера в контексте региональной идентичности: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. 198 с.
5. Дранникова Н.В. «Всесоюзная лесопилка» и «город корабелов»: к вопросу о локальной идентификации жителей Архангельска и Северодвинска // Русский Север. Вып. 1. Идентичности, память, биографический текст. К 95-летию К.В. Чистова: сб. науч. ст. / ред.-сост. Т.Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 287–308.
6. Разумова И.А. «Родина – это минимум край...»: к проблеме локальной самоидентификации жителей Севера // Европейский Север в судьбе России. XX век (к 80-летию профессора А.А. Киселева): сб. науч. ст. Мурманск: МГПУ, 2006. С. 39–45.
7. Линч К. Образ города / пер. с англ. В.Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
8. Лещак О.В. Функционально-прагматические основы исследования города Севастополя как семиотического объекта // Аналитический сборник по результатам мониторинга функционирования русского языка в г. Севастополе: сб. ст. Севастополь: Рибэст, 2007. URL: <http://zavantag.com/docs/1821/index-12678-1.html?page=2> (дата обращения: 12.03.2019).
9. Семенова Т.В. Городская ментальность: социально-психологическое исследование: моногр. Самара: СГПУ, 2008. 354 с.
10. Габидулина С.Э. Психология городской среды. М.: Смысл, 2012. 151 с.

11. Перфильева Л.В. Исследование традиционных «психологических районов» в структуре «образа города» жителей Самары // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. Сер.: Соц., гуманитар., мед.-биол. науки. 2009. Т. 11, № 4. С. 137–141.

12. Пирогов С.В. Город как феномен культуры: когнитивный подход // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер.: Культурология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 31–37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorod-kak-fenomen-kultury-kognitivnyy-podhod> (дата обращения: 12.03.2019).

13. Bolotova A., Stammler F. How the North Became Home: Attachment to Place Among Industrial Migrants in the Murmansk Region of Russia // Migration in the Circumpolar North: New Concepts and Patterns / ed. by C. Southcott, L. Huskey. Edmonton: Canadian Circumpolar Institute Press, 2009. P. 193–219.

References

1. Dontsov A.I., Emel'yanova T.P. *Kontsepsiya sotsial'nykh predstavleniy v sovremennoy frantsuzskoy psikhologii* [The Concept of Social Representations in Contemporary French Psychology]. Moscow, 1987. 128 p.

2. Andreeva G.M. Sotsial'naya identichnost': vremennye i sredovye komponenty [Social Identity: Temporal and Environmental Components]. *Psikhologiya lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov* [Personality Psychology in the Works of Russian Psychologists]. St. Petersburg, 2000, pp. 344–357.

3. Dregalo A.A., Ul'yanovskiy V.I. *Sotsiokul'turnaya dinamika sotsial'nogo prostranstva Severa* [Sociocultural Dynamics of the Social Space of the North]. Arkhangelsk, 2017. 252 p.

4. Shibus I.A. *Sotsial'naya i individual'naya identichnost' naseleniya Kol'skogo Severa v kontekste regional'noy identichnosti* [Social and Individual Identity of the Population of the Kola North in the Context of Regional Identity: Diss.]. St. Petersburg, 2006. 198 p.

5. Drannikova N.V. “Vsesoyuznaya lesopilka” i “gorod korabelov”: k voprosu o lokal'noy identifikatsii zhitel'ey Arkhangel'ska i Severodvinska [The “All-Union Sawmill” and the “City of Shipbuilders”: On the Issue of Local Identification of Residents of Arkhangelsk and Severodvinsk]. Shchepanskaya T.B. (ed.). *Russkiy Sever. Vyp. 1. Identichnosti, pamyat', biograficheskiy tekst. K 95-letiyu K.V. Chistova* [The Russian North. Vol. 1. Identities, Memory, Biographical Text. To the 95th Birthday Anniversary of K.V. Chistov]. St. Petersburg, 2017, pp. 287–308.

6. Razumova I.A. “Rodina – eto minimum kray...”: k probleme lokal'noy samoidentifikatsii zhitel'ey Severa [“Homeland Is at Least Land ...”: To the Problem of Local Self-Identification of the Inhabitants of the North]. *Evropeyskiy Sever v sud'be Rossii. XX vek (k 80-letiyu professora A.A. Kiseleva)* [European North in the Fate of Russia. 20th Century (to the 80th Birthday Anniversary of Professor A.A. Kiselev)]. Murmansk, 2006, pp. 39–45.

7. Lynch K. *The Image of the City*. Cambridge, 1960 (Russ. ed.: Lynch K. *Obraz goroda*. Moscow, 1982. 328 p.).

8. Leshchak O.V. Funktsional'no-pragmaticheskie osnovy issledovaniya goroda Sevastopolya kak semioticheskogo ob'ekta [Functional and Pragmatic Foundations of the Study of the City of Sevastopol as a Semiotic Object]. *Analiticheskiy sbornik po rezul'tatam monitoringa funktsionirovaniya russkogo yazyka v g. Sevastopole* [Analytical Collection Based on the Monitoring Results of the Functioning of the Russian Language in Sevastopol]. Sevastopol, 2007. Available at: <http://zavantag.com/docs/1821/index-12678-1.html?page=2> (accessed: 12 March 2019).

9. Semenova T.V. *Gorodskaya mental'nost': sotsial'no-psikhologicheskoe issledovanie* [Urban Mentality: Socio-Psychological Research]. Samara, 2008. 354 p.

10. Gabdulina S.E. *Psikhologiya gorodskoy sredy* [Psychology of the Urban Environment]. Moscow, 2012. 151 p.

11. Perfil'eva L.V. Issledovanie traditsionnykh “psikhologicheskikh rayonov” v strukture “obraza goroda” zhitel'ey Samary [Research of Traditional Psychological Areas in the City Image Structure of Samara Citizens]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Ser.: Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*, 2009, vol. 11, no. 4, pp. 137–141.

12. Pirogov S.V. Gorod kak fenomen kul'tury: kognitivnyy podkhod [The City as a Cultural Phenomenon: A Cognitive Approach]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Kul'turologiya i iskusstvovedenie*, 2011, no. 2, pp. 31–37. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorod-kak-fenomen-kultury-kognitivnyy-podhod> (accessed: 12 March 2019).

13. Bolotova A., Stammler F. How the North Became Home: Attachment to Place Among Industrial Migrants in the Murmansk Region of Russia. Southcott C., Huskey L. (eds.). *Migration in the Circumpolar North: New Concepts and Patterns*. Edmonton, 2009, pp. 193–219.

Anna N. Solov'eva

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3666-8590> e-mail: annasolov@mail.ru

Tat'yana A. Solov'eva

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Leningradskiy 40, Arkhangelsk, 163009, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0592-6713> e-mail: t.solovjeva@narfu.ru

CITY IMAGE IN THE STRUCTURE OF SOCIAL IDEAS ABOUT THE RUSSIAN NORTH (Exemplified by Arkhangelsk)

This article describes the image of the northern city based on social ideas of Russians about the northern space. The authors use the term *city image* to identify universal ideas about the urban space that are formed at the level of public consciousness of the residents under the influence of their cultural experience and the city's social structure. The city image also includes differences in the perception of urban environment due to the residents' group or individual characteristics as well as reflects the symbolic structure, semantic core and the periphery of the meanings of urban space created by the city dwellers in the process of interpreting the experience of urban life and distinguishing between significant and neutral features of the environment. In a pilot research, we empirically tested the hypothesis that the symbolic core of the residents' ideas about the northern city reflects their social identity that had been formed in the cultural and historical context of the Russian North. Further, an assumption was tested that the differences in the interpretation of the northern urban space are determined by the current sociocultural situation and variability of the social roles of the residents. As a result, data were obtained that respondents associate the northern city with the categories *Kin – Nature – Home – Memory*, which form the semantic core of ideas about the North. City-dwellers of different ages with different experience in urban life indicate a universal meaning of the northern city when they characterize it as a "living environment", "nature and climate", a "cultural and historical context", and a "space for self-fulfilment". Conflicting views in the interpretation of urban space arise when residents assess the transformation of culture, economy, and ecology of the post-Soviet North of Russia. The archaic attributes of the northern city named by the respondents reflect the understanding of its space as a "native land" and render the nostalgic feelings of "devotion" to the area. At the same time, city dwellers tend to rationalize the negative environmental challenges of the North that can impede the fulfilment of their personal and professional needs.

Keywords: *social representations, Russian North, Arkhangelsk, city image, northern identity.*

Поступила: 14.03.2019

Принята: 01.07.2019

Received: 14 March 2019

Accepted: 1 July 2019

For citation: Solov'eva A.N., Solov'eva T.A. City Image in the Structure of Social Ideas About the Russian North (Exemplified by Arkhangelsk). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 6, pp. 112–120. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.112